

Посвящается лучшему папе на свете.
И всем, кто терял любимых людей.
Скорбь никуда не уйдёт,
но жизнь продолжается.

Драконий хвост выглядел как-то странно.

Зак Хэдли склонил голову набок и с прищуром оглядел рисунок, который держал перед собой на расстоянии вытянутой руки. Он неплохо справился с единорогами, пасущимися в долине, и со штриховкой гор. Проблема была в драконе, который устроился на словах «Сага о Диколесье». Чем дальше Зак в него вглядывался, тем меньше он походил на дракона — скорее на пухлую ящерицу со слишком длинным хвостом. Ему не нравилось. В последнее время ему вообще не нравились его рисунки.

Разозлившись, он отбросил комикс, над которым работал, на край кровати. Всего месяц назад он бы уже стирал хвост, чтобы перерисовать его правильно. Может, сначала бы показал маме и узнал её мнение. А теперь...

В животе заурчало. Он глянул на часы и внезапно осознал, что уже три. Он пропустил обед. Или нет, ведь папа даже не звал его обедать.

Растерянный и голодный, Зак вышел в коридор, медленно ступая по деревянному полу. У лестницы он остановился и прислушался. Последний месяц папа работал из дома, а значит, из кабинета раздавалось клацанье клавиатуры, но сейчас было тихо.

Слишком тихо.

— Пап? — позвал Зак. С колотящимся сердцем он бросился вниз по лестнице, чуть не поскользнувшись на полированном дереве. — Папа? Ты где?

Выбежав в гостиную, он едва не наткнулся на журнальный столик, где до сих пор стояли пустые банки из-под газировки и жирная коробка из-под пиццы, оставшаяся со вчерашнего вечера. Дверь в кабинет отца была закрыта. Зак потянулся к ручке, но замер в нескольких сантиметрах, и сердце сжалось в груди.

В этот раз всё было в порядке. Папа просто спал или сидел в наушниках, погрузившись в работу. С ним ничего не случилось.

— Пап? — постучав, дрожащим голосом окликнул он и не стал дожидаться ответа. Просто приоткрыл дверь, представляя, как увидит отца сидящим в кресле и читающим книгу. Или похрапывающим, откинувшись назад с открытым ртом. Или...

Перед глазами мелькнуло непрошеное воспоминание. В тот день он тоже проголодался и спустился на кухню, чтобы узнать у мамы, не готов ли обед. Тогда он ещё не боялся тишины в комнатах, где должен был царить шум.

Он думал найти её помешивающей суп на плите или достающей тарелки из шкафчика. Но она лежала на полу без движения.

На мгновение Зак замер в дверях отцовского кабинета. Его пробрал холод, дыхание сбилось, но всё это не имело значения перед лицом худшего воспоминания всей его жизни. Прошёл уже целый месяц — месяц и четыре дня, — но Зак до сих пор не мог заставить себя пройти на кухню.

— Зак? — голос отца привёл его в чувство. Моргнув, он наконец-то увидел задёрнутые шторы и папу, который сидел за рабочим столом, приложив телефон к уху. — Всё в порядке?

— Я... — Зак попытался сглотнуть, но не смог, как не смог выдавить ни единого звука. Перед глазами мелькали тёмные пятна, и он ухватился за дверную ручку, пытаясь устоять на ногах.

— Мерле, я перезвоню, — поспешно сказал папа в трубку. Бросив телефон на стол, он подбежал к Заку и встревоженно остановился рядом. — Ты в порядке? Тебе нужен ингалятор? Где он? — Папа заозирался, словно ожидал увидеть ингалятор среди разбросанных повсюду старых бутылок и документов, но, разумеется, ничего не нашёл.

Зак помотал головой. При виде отца паника начала отступать. Он знал, что путь в легкоатлеты ему заказан, но понимал, что тут виновата не обычная астма. В последнее время приступы случались всё чаще и чаще, но Зак подозревал, что, если расскажет про них отцу, тот просто снова потащит его к врачу.

— Ты просто... не позвал нас обедать, — хрипло сказал он.

— А, — ответил отец. Только сейчас Зак заметил, какие красные и припухшие у отца глаза. — Точно. Обед. Разве с вечера ничего не осталось?

— Осталось, но я думал, что ты разогреешь, — сказал он и сам понял, насколько жалко это прозвучало.

Отец нахмурился.

— Тебе двенадцать лет, Зак, — мягко заметил он. — Ты сам можешь разогреть еду.

Зак поджал губы. Спорить было бессмысленно — они оба знали, почему он отказывается идти на кухню. Папа постоянно его уговаривал, но он просто не мог. Слишком свежим было воспоминание.

Отец вздохнул, сгорбив спину.

— Сейчас разогрею, но это последний раз, договорились? Завтра сам пойдёшь и...

— Пап! — вдруг донёсся пронзительный крик из прихожей, и входная дверь, распахнувшись, врезалась в стену. — Помоги! Папа!

Кое-как устроившись на невысокой ветви дерева, Лу Хэдли сверлила взглядом старого полосатого кота, который восседал выше. Тот неотрывно следил за ней единственным целым глазом, словно бросал вызов, и Лу скулчала по временам, когда он не умел так хорошо лазить.

— Тебе нужно принять лекарства, Руфус, ты же сам знаешь, — сказала она, вцепившись в грубую кору. — А то каждый день одно и то же.

Руфус отвернулся и принялся вылизываться. Крепко сжав ветку ногами, Лу ухватила кота за загривок и осторожно сняла с дерева, тут же заворачивая в свитер, чтобы он не успел её оцарапать. — Поймала!

— Не понимаю, чего ты вообще с ним возишься, — окликнула снизу София Лопез, её лучшая подруга. Девочка сидела в траве на опушке леса, граничащего с их районом, и выпутывала репейник из длинной шерсти котёнка, пока остальная бездомная братия лакомилась

принесённым угощением. — Мне кажется, он уже абсолютно здоров.

Держа свитер с Руфусом под мышкой, Лу перелезла пониже и спрыгнула с дерева.

— Лучше перестраховаться. У него всего один глаз.

Достав из кармана капли, она села рядом с Софией и с большим трудом уложила Руфуса на спину. Кое-как прижав его к земле, она с силой раскрыла ему единственный здоровый глаз и капнула одну-единственную каплю лекарства, ради которой всё затевалось.

Стоило ей ослабить хватку, как Руфус взлетел обратно на дерево, а Лу растянулась в согретой солнцем траве и впервые за день расслабилась. Учебный год наконец-то закончился — но радовалась она этому не по той же причине, что раньше. Вместо раздражения она теперь вызывала в учителях жалость, а одноклассники сторонились её. Даже тренер по лёгкой атлетике отправил её на скамью запасных до конца сезона, хотя она бегала быстрее всех. Теперь с ней общалась только София. Ну, ещё у неё был брат-близнец, и, хотя Лу до ужаса не хотела проводить лето в его компании, тот хотя бы не докучал вопросами, как у неё дела.

— Мне пора, — сказала София, закончив с репейником. Котёнок тут же спрыгнул с её колен и побежал к своим братьям и сёстрам. — Если я снова опоздаю на балет, мама меня приберёт.

Лу неохотно поднялась вслед за ней, стряхивая траву с тёмных волос, доходящих до плеч.

— Я же могу завтра зайти, да?

София фыркнула:

— Мама сказала, что ты хоть на всё лето можешь остаться.

— Серьёзно? — Лу подняла рюкзак. От него до сих пор пахло кошачьим кормом, который она весь день носила с собой. — Ты от меня не устанешь?

— Нет, конечно. Ты же моя лучшая подруга. — София крепко её обняла. — Ладно, до завтра.

Лу проводила её взглядом. Вместе с одиночеством пришла знакомая грусть, но расстраиваться не было смысла, так что она расправила плечи и пошла в противоположную сторону. Пожалуй, если она проведёт лето у Софии, то будет не так уж и плохо. Папа наверняка разрешит, а брат даже не заметит её отсутствия — в последнее время он постоянно торчал в своей комнате. Но пусть она и пыталась поверить, что вдали от семьи ей будет лучше, прошлое всё равно давало о себе знать.

Задумавшись, Лу чуть не пропустила серо-белое пятно, мелькнувшее в зарослях травы. Ахнув, она аккуратно приблизилась и увидела раненого молодого енота, прячущегося среди сорняков и луговых цветов.

Она медленно присела, стараясь не напугать бедняжку. Он тяжело дышал и наблюдал за ней тусклым взглядом, но не шевелился. Закусив губу, Лу осмотрелась. София уже ушла, а больше на тихой пригородной улочке никого не было. Вот и что оставалось делать?

Ответ нашёлся только один, и Лу, решившись, осторожно завернула раненого енота в свитер. В отличие от Руфуса он не пытался сбежать, а просто повис у неё в руках. Лу прижала его к себе и поспешила домой, стараясь сильно его не тревожить. Но с каждым шагом глаза енота закрывались всё больше, и Лу охватила паника.

До дома оставалось совсем немного, но Лу показалось, что до крыльца она добиралась целую вечность. Распах-

нув входную дверь, она бросилась в прихожую, в отчаянии прижимая енота к груди.

— Пап! — во весь дух закричала она. — Помоги! Папа!

И только она принялась проверять, не потерял ли енот слишком много крови, как послышался грохот шагов, и в прихожую, тяжело дыша, выскочил не отец, а брат.

— Что случилось? — отбросив со лба растрёпанные тёмные волосы, спросил Зак, но заметил енота и отступил, слегка пошатнувшись. — Лу, это же...

На мгновение застыв, она отвернулась от брата, закрывая енота собой.

— Что ты здесь делаешь? — в панике спросила она. — Ты же всегда сидишь наверху!

Но было поздно. Она вся была в кошачьей шерсти, да и енот явно переносил аллергены. Зак стоял совсем близко, слишком близко, и уже начинал задыхаться.

— Что у вас тут такое? — спросил папа, выходя из-за угла. Кажется, он недавно плакал, и на мгновение Лу, забывшись, усталилась на него с открытым ртом. Он не плакал со дня похорон.

— Я... — начала она, но хрипы Зака с каждым вздохом становились всё хуже. — Я нашла енота...

— Ты притащила домой енота?! — Отец тут же повернулся к Заку и схватил его за плечи, не давая упасть. — Зак, ты в порядке? Посмотри на меня, сынок.

— Простите! — всхлипнула Лу. — Он умирает, я не знала, что ещё делать!

— Ты прекрасно всё знала, — рявкнул отец, стремительно багровея. — Зак, сынок... Зак, посмотри на меня. Всё хорошо. Где ингалятор? Где ты его оставил? У себя в комнате?

Зак помотал головой, потому что не мог говорить. С колотящимся сердцем Лу дёрнулась было в сторону кухни, но папа вытянул перед ней руку.

— Ни шагу в дом, пока с тобой эта зверюга, — сказал он. Лу хотела бы возразить, но Зака трясло, и она, выскочив на крыльцо, аккуратно опустила завёрнутого в свитер енота, а сама побежала обратно. Её разбирала злость — и на себя, за то, что не удосужилась проверить, сидит ли брат в своей комнате, и на Зака, который вдруг решил впервые за месяц выйти оттуда.

Проскользнув мимо папы, она кинулась на кухню и рывком распахнула старенький ящик. Там лежала гора лекарств, выписанных на имя Захарии Хэдли, организованная по маминой системе. Даже не удосужившись прочитать этикетки, Лу схватила жёлтый ингалятор, упаковку таблеток и шприц-ручку с эпинефрином и побежала обратно в прихожую.

— Держи. — Сняв с ингалятора колпачок, она пихнула его брату в потные руки. Тот поднёс флакон ко рту, нажал и вдохнул лекарство. Лу наблюдала за ним с мрачной решимостью, а как только стало понятно, что эпинефрин уже не понадобится, — вскрыла пластиковую упаковку и достала таблетку.

— Что это? — в панике спросил отец. — Что ты ему дала?

— Лекарство от аллергии, — пробормотала она, не сводя взгляда с брата. Постепенно его хрипы сошли на нет, и он, проглотив таблетку, привалился к стене, тяжело дышащий, но живой. — Отвези его в больницу. Врачи, наверное, просто дадут подышать через респиратор и выпишут какие-нибудь антибиотики, но всё равно лучше не рисковать. Мама всегда с ним ездила.